

№ 13`

Февраль 2000 Г.

УХТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ

*Два года
с читателем*

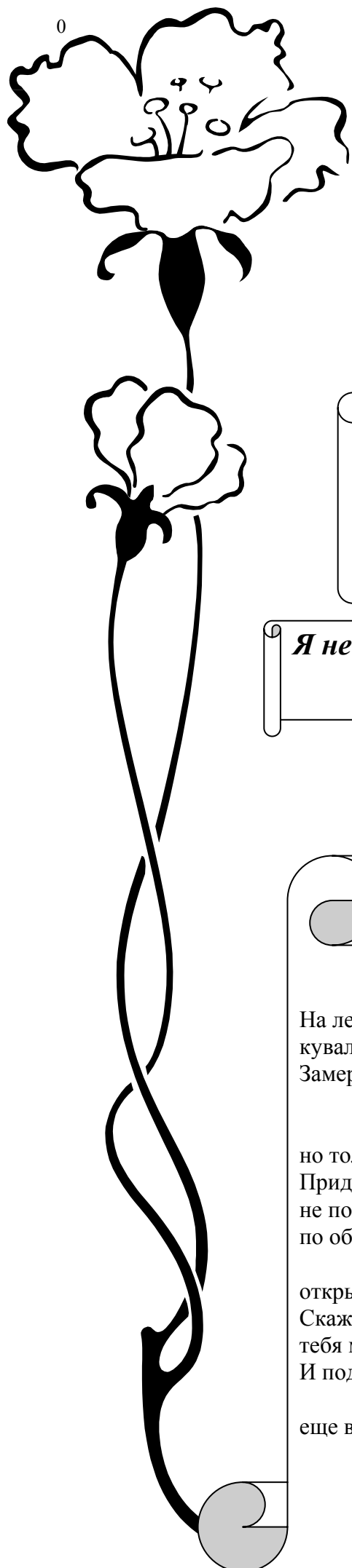

Игорь Терновский:

ПРЕОДОЛЕНИЕ

(ранние стихи 1962 — 72 гг.)

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

*Даже не видно, что стихи его
рождаются в муках. С этой точки
зрения совсем не интересный поэт*
(стр.2)

Я не хотел быть футуристом
(стр.3)

О компьютерной поэзии
(стр.21)

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю.
А.Пушкин

На ледяном обдутом гребне —
кувалдой ветер по груди.
Замерзни,
задохнись,
ослепни,
но только вниз не упади.
Приди в восторг над мрачной бездной,
не помяная всех чертей:
по обе стороны
любезно
открыты пасти пропастей.
Скажи, не этой ли наградой
тебя манила высота?
И подожди пока,
не падай:
еще вершина не взята.

Игорь ТЕРНОВСКИЙ (стр.8)

Алексей МИЛЬКОВ

НАСКОЛЬКО РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО ?

О сколько нам открытий чудных
Готовит просвещения дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...

А.Пушкин

Игорь Терновский пишет, каким образом он вступал в свою сознательную жизнь:

**Образцовый
жил на свете мальчик.
Был он сорван,
словно одуванчик.
Положили
как закладку
в книжку,
засушили
лет на десять
с лишком.
И не ждали
никаких последствий,
вынули, сказали: ну-ка, действуй!
Но лежит он
плоский,
неподвижный,
не бежит он,
мальчик этот книж-
ный.
Он раздавлен.
Никуда он, словом,
не годится.**

В каком возрасте известные всем поэты начинали сочинять стихи?

Блок — чуть ли не в пять лет, Некрасов — в семь, Есенин — в девять, Анна Ахматова — в одиннадцать...

В глазах взрослых такие дети милые, чудные создания.

В 1859 — 1862 годах, когда Лев Толстой был уже автором “Детства”, “Отрочества”, “Юности”, “Севастопольских рассказов” и

других известных произведений, он вдруг рьяно занялся педагогической деятельностью. Он оставил нам парадоксальную статью “Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят?” Что интересно, Толстой склонялся к ответу: нам нужно учиться писать у крестьянских ребят. Его, видимо, прельстили будущие задатки детей.

Хотя их первые творческие опыты несколько не предвещают их будущие шедевры.

Семилетний Некрасов посвятил матери в день ее рождения такие строчки:

**Любезна маменька, примите
Сей слабый труд
И рассмотрите,
Годится ли куда-нибудь...**

Правда, был случай шедевра, когда четырехлетний ребенок создал стихотворение, которое переведено на все языки и распевается на всех континентах земли:

**Пусть всегда будет небо!
Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет мама!
Пусть всегда буду я!**

Это стих-е напечатал Корней Чуковский в книге “От двух до пяти” еще в 30-е годы, а потом поэт Лев Ошанин превратил эти строки в песню.

“Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина (“На рождение порфиородного отрока”) и Некрасова (“Мороз-Красный нос”). Эти вещи знала наизусть моя мама”, — пишет Анна Ахматова.

“Первым вдохновителем моим был Жуковский”, — говорит Александр Блок.

Раннее творчество всегда подразумевает эксперимент. Например, Н.Заболоцкий отдал дань так называемому “левому искусству”, “остраненному” изображению действительности. Многих таких экспериментаторов называли даже блестящими мастерами эксперимента. Но все в итоге рано или поздно приходят к обычным приоритетам гуманистичности и демократичности ценностей искусства, приоритетам русской и мировой классики и ее традиций, освященных любовью к человеку, природе. Н.Заболоцкий подвел итог своим размышлениям о пройденном пути: “Литература должна служить народу, это верно, но писатель должен прийти к этой мысли сам, и притом каждый своим собственным путем, преодолев на опыте собственные ошибки и заблуждения”.

Так что за ошибки и заблуждения можно найти у раннего И.Терновского?

Его не обольстили “обэриуты”, видимо их пора уже к тому времени прошла. Никакого намека на символизм, футуризм, акмеизм. Все тот же, что и в зрелые годы, основательный подход, существенна классическая система смысловых и композиционных принципов. Нет у него неологизмов, словотворчество его не увлекает, языковые теории не переполняют его. Даже не видно, что стихи его рождаются в муках. С этой точки зрения совсем не интересный поэт. Кажется, что он начал писать стихи уже умудренный опытом.

Где его юношеская способность к удивлению, к новизне восприятия мира?

Из всей подборки только следующие строки не подтверждают возрастную рассудочность:

**Из эйнштейновского мира
я в эвклидов прихожу.
Он устроен очень просто,
не морочит кривизной.
Он такой удобно плоский
и до ужаса родной.**

Н.Заболоцкий в 24 года написал стих-е “Движение”:

**Сидит извозчик, как на троне,
Из ваты сделана броня,
И борода, как на иконе,
Лежит, монетами звеня.**

**А бедный конь руками машет,
То вытянется, как налим,
То снова восемь ног сверкают
В его блестящем животе.**

Непонятное стих-е, но автор почему-то не стесняется пускать его в свои сборники. Возможно, оно для него является узловым, поэтому памятным.

Ранние стихи позволяют проследить развитие, становление писателя. Н.Заболоцкий позволял себе употребление, например, фраз: Жених, приделанный к невесте (“Свадьба”). У И.Терновского нет подобных корежущих слух строчек, вот, изысканных множество. Например:

**Но цвели медвяные верески,
сердце бражника веселя.**

или

Спирт замирает: минус 47.

Нельзя обойти такой вопрос, как подражание. Дело в том, что подражание — неизбежная форма поэтического ученичества. Подражают образности, интонациям поэтов, ритмам, словарю, сюжетам, рифмам. Это видно по литературной условности, поэтическим штампам. Начитанность тоже обнаруживает себя.

Даже по лицейским стихам не видна грань становления Пушкина. Единственно, романтика у него бьет ключом и она выдает поэта с головой. А в остальном, ну прямо зрелый мастер. Державин удивился и прослезился, когда Пушкин прочитал на выпускном вечере стих-е “Воспоминания в Царском Селе”. Ответ находится во вступительной статье о Пушкине, что он подверг переработке для печати свои ранние произведения.

Тогда вопрос, когда Игорь Терновский вышел из коротких штанишек, стал изощренным поэтом? Можно ли узнать эту переходную ступень?

Никогда.

По данной подборке видно невооруженным глазом, что автор тщательно скрыл следы раннего творчества.

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

КАК Я НЕ СТАЛ ФУТУРИСТОМ

Тяга к поэтическому творчеству появилась у меня еще в суровые 40-е годы, когда я был в отроческом возрасте, или, по-современному, тинейджером. Я был тогда просвещенным, как сейчас говорят, продвинутым московским школьником, завзятым книжником. Помимо Жюль Верна, Гюго и Дюма, я с молодых ногтей читал корифеев отечественной словесности, как-то: Пушкина, Лермонтова, Некрасова и иже с ними. Естественно, хорошо был знаком и с советской литературой, в том числе детской в лице Маршака, Чуковского, Михалкова, Барто, а из взрослой с произведениями Фадеева, Николая Островского, Паустовского, Твардовского, Маяковского. С последним меня связывало еще детское расположение, что неудивительно, в мои времена он был главным советским поэтом. Его исключительное положение в поэзии на многие годы определялось “историческим” высказыванием Сталина, которое то и дело цитировали: “Маяковский был и остается лучшим талантливейшим поэтом нашей эпохи”. Теперь-то задним числом, когда из небытия или замалчивания вышли Цветаева, Мандельштам, Пастернак, Ахматова и несть им числа, мы знаем, что было вовсе не так, но тогда это было непреложным и везде, особенно в школе, Маяковский был на первом месте. О других его современниках мы просто не ведали. Все они в куче были в лучшем случае формалистами, представителями буржуазного вырождения, декаданса, в худшем — просто антисоветчиками, белогвардейцами, прислужниками империалистов. Даже вполне “безвредный” Есенин был не то чтобы запрещен, но замалчивался как пессимист и певец уходящей деревни. Так что, в те времена у Владимира Владимировича по существу не

было никаких конкурентов. Что же касается меня и таких как я, — я не говорю тут о людях старшего поколения — то Маяковский был несомненно гениальным поэтом, в чем убеждали школьные программы, радиопередачи, газеты, многочисленные издания как самого поэта, так и литературы о нем. Благодаря ему, даже футуризм, из которого он, собственно, вышел, у нас признавался не то чтобы формалистическим, а даже чуть ли не революционным течением в литературе. Поэтому влияние на меня первого поэта нашей эпохи было значительным, хотя я не преодолел обаяния Пушкина и вообще классической русской поэзии. У самого же Маяковского и футуристов вообще я узнал, что со словом можно делать, что угодно, добиваясь исключительной выразительности. А уж по части метафор это были непревзойденные мастера. Недаром под большим влиянием Маяковского находился наш первейший метафорист Андрей Вознесенский. С другой стороны много позже я понял, что примат формы пагубен и нельзя молиться самоценному слову. Через некоторое время я открыл для себя Блока, который был частично допущен в советский литературный Пантеон по причине революционности последних стихов (“Скифы”, поэма “Двенадцать”). Я был надолго очарован им. Именно Блок мне показал, что первично лирическое содержание поэтического произведения, что сила и выразительность поэтического слова отнюдь не в его формальной необычности. Таким образом я решительно отошел от футуризма и с тех пор остаюсь верен классической русской поэзии, которая неспроста существует уже с державинских времен.

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

ПРЕОДОЛЕНИЕ

(ранние стихи 1962 — 72 гг.)

I. ПОГОДА ТАКАЯ

* * *

Погода такая,
 что сводит с ума.
 Неделю таскаю,
 не вскрою письма.
 Так держат гранату
 уже без кольца.
 Так носят, запрятав,
 болезнь
 до конца.
 И хочешь держаться,
 и трудно держать.
 Но надо решаться
 и пальцы
 разжать...

Лежу разворочен
 осколками строк,
 и подпись, как очередь, —
 поперек.

* * *

И любит она, и не любит,
 и к черту тоже не шлет.
 Отменно, как воду в ступе,
 толчет меня и толчет.

Каких-то страстей лавину
 я выдумал,

вот чудак!
Любую бери половину,
а нет —
оставайся так.

Как будто что-то исполу
запретное мы продаем.
За это самое “полу”
плачу я полным рублем.

И гордость куда-то закинув,
ругая себя и скорбя, —
я все же беру половину,
беру половину тебя.

* * *

В той колоде много дам
всякой масти есть.
Раздается мне и вам,
всем на счастье.
Дайте даму мне одну,
только белую.
Тянут все и я тяну —
ставки делаю.
И уже азарт трясет,
но, скажу я вам:
отчего другим везет,
словно шулерам?
Я ж мечусь и я мечу,
озадаченный:
кто-то любит чересчур —
нет удачи мне!
Дни и ночи напролет
все не ладится,
что-то карта не идет,
не ломается.
В пух проигран,
вбит в тупик —
жизнь зачеркивай.
Видно, любит дама пик,
ведьма чертова.

* * *

Первый снег, как белые листья,
белый снег, как белые письма.
Кто-то пишет и пишет в отчаяньи,
задыхаясь в холодной мгле...
Молит, может быть, отзовись мне!
Держит сердце в руках ночами,

одинокий на целой Земле...
Но в обычном уличном гаме
безразлично топчут ногами
эти сгустки тоски и страсти, —
только грязный за следом след.
Первый снег... Осторожно, нежно
проходите: вы топчете счастье.
Приглядитесь: какое счастье!
Только раз в миллионы лет.

* * *

Январь определенностью хорош.
Добротно заморожен и заснежен.
Лишь воздуха январского глотнешь,
становишься отчетливым и свежим.
А в феврале раздумия томят,
неловко на обветриях скользим мы.
Но больше всех люблю я месяц март:
в нем умирают цезари и зимы.

ФЕВРАЛЬ

Ах, какой ты ветреный, февраль!
До чего разнуздан ты, приятель.
Ты целуешь каждую из краль,
каждой забираешься под платье.
Колешь их миллионами щетин,
прижимаясь нагло и без риска.
Оторвав от любящих мужчин,
в переулках начинаешь тискать.
А они краснеют и грозят,
рвут из цепких рук свои наряды,
а они по наледи скользят,
падают и учатся не падать.
И бегут в безветрие жилищ,
в избавленье скорое не веря.
А тебе-то что!

Присвистнешь лишь,
на прощанье в спину
грохнув дверью.

Наплевать,
найдем невпроворот!
Все сгодятся: глупая иль умница...
Берегись,
когда февраль идет,
разбегайся по квартирам,
улица.

* * *

Прохожу овсами или ржами,
нежа ноги в бархатной пыли,
непривычно босый горожанин
с кожей,

отвыкшей от земли.

Говорят, что босиком полезно,
и земле, наверно, хорошо,
что я не огнем и не железом —
просто босиком по ней прошел.

ГРОЗА

Ждала под гнетом грозной синевы
того, что неминуемо случится,
не подымая робкой головы,
испуганно желтевшая пшеница.
Разверзлась высь стремительным огнем,
слепящим и вонзающимся рядом.
Но в самоутверждении своем
был добрым бог, не поражая градом.
Он сущее благословил водой,
и вдаль пошел под триумфальной аркой,
трубя и оставляя за собой
оживший мир, раскованный и яркий.

* * *

Вот хрупкий мир
из золота и бронзы,
прекрасный перед гибелью своей.
На ледяной заре горят березы,
и желтый пепел сыплется с ветвей.
С шуршаньем тихим,
стынущи и ломки,
в лесах косые падают лучи.
Осинник несмолкаемо кричит,
что зябнет он и ствол для снега тонкий.
И близ него становится тревожно,
отводишь вдруг оглохшие глаза.
Какой же необузданный художник
ему язык багровый развязал?

* * *

Пойми, мой друг,
неотвратимо это,
когда недолго душу отведя,
покорно угасает бабье лето

под струями холодного дождя.
Оно еще обильно плодоносит,
еще не сникла поздняя краса,
но все заметней вспыхивает просесть
в редяющих увядших волосах.

Неотвратимо:

скоро станет голо,

и на морщины ляжет белый пух.

Неотвратимо:

едко саднит горло

умерших листьев горьковатый дух.

Неотвратимо и необратимо
выходим постепенно из игры,
и вот уж по-осеннему грустим мы,
позабывая летние дары.

Не говоря, что время беспощадно,
что неповторна прежняя весна:
взгляни, как горделиво и нечадно
деревья догорают дочерна.

КЛАЙПЕДА

I

Неукротимые, как гунны,
мы рвемся к морю через дюны,
спешим, как мухи к пирогу.
Неся обветренные космы
навстречу в беспорядке сосны,
пригнувшись с берега бегут.
Мы слабо верим этим лешим,
мы телеса спокойно нежим,
не ведая, который час.
И, вежливо дыша прохладой,
гигант зеленый и мохнатый
миролюбиво лижет нас.
Все забывается в истоме,
все отдаленней мысль о шторме,
и ты уже ошеломлен,
когда в голубизне горячей
вдруг проскрежещет перехватчик.
Послышится глагол времен.

II

МРТ — малый рыболовный траулер
водоизмещением около 80 т.

Как игрушечный, кораблик,
но не в ванне, не в пруду.
Мои ноги вдруг ослабли,
на него я не пойду.
По природе пассажир я,

мне бы лайнер в тыщи тонн.
А на этом — не до жиру,
быть бы живу, если шторм.
И взирая оробело,
не могу поверить, нет:
на таких вот каравеллах
открывали Новый Свет.

III

ТТТ — штормовое предупреждение.

А вы знаете ль, романтики,

что такое шторм на Балтике?
Как, заслышав ТТТ,
удирают МРТ?
Это вам, за рыбу деньги, эпизод:
зацепившийся за стены горизонт.
Можете травить и плакать

или петь.

Вот вам килька,
вот салака,

вот вам сельдь!

II. ТРЕВОГА

* * *

Я сплю как взрыватель чуток,
тревогой взвело всего.
Я жду, что случится чудо,
невиданное торжество.
Веселые флаги развесят,
кумач от угла до угла.
Вспокоенно заблаговестят
оркестров колокола.
От общего дружного вздоха
качнется Земля на ходу,
и страшный раздастся грохот:
все камни с сердец упадут.
На солнце исчезнут пятна
по случаю этой поры,
и выдадут детям бесплатно
мороженое и шары...
Опять эта ночь зловеща,
она не сулит торжеств.
Лишь в сшибке ветров скрежещет
белья ледяного
жесть.

* * *

Терзает свет усталые глаза,
все больше струн оборвано
на нервах.

От перегрузок
дергает назад,
а там уж набегают
двадцать первый.
Составленный
прогнозам вопреки,

смеющийся

над ересью фантастов...

Мы там живем,

глухие старики,

и век двадцатый вспоминаем часто.

Смешно гордимся, зависть приглуша,
рубцы сердец морщинистых тревожа.

Историки событиями шуршат
и наши судьбы меряют и итожат.

Все выяснено,

все уточнено,

все по местам: и короли и пешки.

Герою выдан каждому

венок,

мерзавцам — по презрительной усмешке.

Как просто все!

А мы-то, дураки...

Как ясно все!

А мы брели наощупь.

Не те ругали книги и стихи,

не те в восторге лобызали мощи.

А что с того, что на плечах несли
тревожный мир,

измученный и страш-

ный.

Простите нас, за то что мы в пыли,

простите, что в крови одежды наши.

* * *

На обломках руды,
на шершавых и плоских,
мы находим следы
от существ мезозойских.

в ней царствуют сверчки и домовые.
 Но вдруг,
 в потемках солнце услышав,
 шальной петух
 проголосит впервые.
 Дремучий сон тревогою качнет,
 ударом преждевременного света,
 и кто-нибудь спросонья проклянет:
 в лапше погибнешь, хулиган отпетый!..
 А петуху плевать на брань, на смерть.
 Отчаянный горнист, он верит будто,
 что нужно только яростнее петь,
 и сгинет нечисть,
 и настанет утро.

* * *

*...Нас требует что-то третье, —
 чем выделен человек.*

А. Вознесенский.

Время белого или черного,
 время третьего исключенного:
 принцип надвое режет свет —
 только “да” или только “нет”.
 Воздержавшийся смуту вносит,
 воздержавшийся просто нонсенс.
 Он в двоичном мире нелеп,
 как в ракетном бою
 пистолет.
 Третий лишний,
 он всем мешает,
 симметрию он нарушает:
 это минус, а это — плюс,
 и не нужно излишних чувств.
 Он как ругань
 в изящном тексте,
 он как гвоздь
 в монолитном тесте,
 критиканства апологет
 окаянный интеллигент.
 Время к третьему неприветливо,
 время гонит из жизни третьего,
 исключает его
 из рядов,
 отлучает его от плодов.
 Время левого или правого,
 остальное все — от лукавого.
 Бродят по миру оборотни...
 Вот нечистый из подворотни,
 предварительно захмелен,
 искушает меня рублем.

Я, пожалуй, не откажусь:
 тут я в третьих не окажусь.

* * *

В подъезде сделали ремонт,
 замазав надписи и пятна.
 И сразу стало непонятно:
 кого кто любит, кто — дурак.
 И где искать теперь концы?
 Оставшись вдруг без руководства,
 не знают бедные жильцы,
 кого любить и с кем бороться.

* * *

На земле зимы прощанье,
 на земле июльский жар,
 а в подъезде пахнут щами
 все четыре этажа.
 Пахнут кошками и склокой,
 устоявшимся жильем,
 бесконечною эпохой —
 коммунальным сентябрем.
 Грохнет музыка, как мина,
 дрожь пройдет по этажу:
 из эйнштейновского мира
 я в эвклидов прихожу.
 Он устроен очень просто,
 не морочит кривизной.
 Он такой удобно плоский
 и до ужаса родной.
 Хорошо, что я не вечен,
 что придет моя пора:
 нестерпимо каждый вечер
 возвращаться во вчера.

* * *

Воскресный день, и тишь,
 и снег, подобный чуду.
 Отдаться ль сказке лыж,
 пойти ли сдать посуду?
 Отрадой стать для жен,
 дурным ли стать примером?
 Ах, выбор так тяжел!
 Почти как у премьера,
 когда он, чтоб остыть,
 хватив чего-то стопку,
 решает:

уступить

или нажать на кнопку.
 Но, мир пустив ко дну,
 внимая общим стонам,
 он просидит войну
 спокойно под бетоном.
 В огне он не горит,
 свинец в него не свищет...
 А малый габарит —
 больших страстей жилище.
 И вы понять должны,
 что выбирать не проще
 между Харибдой тещи
 и Сциллою жены.

* * *

Всех сильнее пианистов,
 гитаристов сильнее,
 многорук и неистов
 мир играет на мне
 марши, шлягеры, гимны,
 труд, любовь и войну.
 Не боясь, что погибну,
 обрывает струну.
 Продолжением муки
 в неуверенном сне
 бесконечные звуки
 глухо бродят во мне.

О ПУЛЕ, КОТОРАЯ МЕНЯ УБЬЕТ

Давно готовая к бою,
 стремительный конус воздев,
 сидит она в тесной обойме
 впритирку к чужой беде.
 На тусклую жизнь сердиты,
 в ожогах от злого огня,
 лохматые троглодиты
 искали ее для меня.
 Кляня свой тесный ошейник,
 раб в недрах ее добывал.
 Угрюмый седой оружейник
 ее для меня отливал.
 Не зная, для чьей кончины,
 не ведая, что творят,
 сверлили ее и точили,
 готовили к ней заряд.
 И каждый, над ней поработав,
 другому передавал.

За ваши труды и заботы,
 о люди, спасибо вам!
 Так будьте ж благословенны,
 а проклят бездельник тот,
 который ее не делал,
 который меня убьет.

...А CIRCENSES¹

Толпа рокочет кратером,
 динамики рычат.
 Выходят гладиаторы,
 доспехами брэнча.
 Сгибаются колени их,
 как будто валят ниц
 арены ослепление,
 безликость тысяч лиц.
 Одно мгновенье вялости,
 и страх уже забыт.
 Их молодость
 для ярости,
 их мускулы
 для битв.
 Их гонит тьма орущая.
 Сшибаются стремглав,
 оружием об оружие,
 телами о тела.
 И чтоб сражались истовой,
 слабейший из людей
 свой пальчик хилый выставит
 и завизжит:
 добей!

* * *

Что сделано — необратимо:
 и жизнь, и смерть, и малый шаг.
 Заглох родник, задушен тиной,
 и храм забытый обветшал.
 Сгорели звезды — не воротишь,
 лес сгинул — пущенный под нож.
 Что ж, человек, чего ты хочешь?
 Посеял нечисть — зло пожнешь.
 Весь мир предгибельно непрочен.
 Изверен сын, потерял друг,
 и дом отцовский заколочен,
 и стала пустота вокруг.
 Как к матери, дорогой длинной,
 через десятки блудных лет

¹ И зрелищ (лат.)

III. СЕВЕРНЫЕ ГОРОДА

* * *

О, северные города,
 порой суровые снаружи,
 храните вы под коркой льда
 свое неброское радушие.
 И мил мне юношеский вид
 домов и улиц неказистых
 без храмов, без кариатид,
 без троп исхоженных туристских.
 О, города моей судьбы
 в объятиях студеной хмари,
 неугомонные штабы
 разбросанных по краю армий.
 В боях, где передышки нет,
 а надо с тяжким постоянством
 ломать упорство мерзлых недр,
 глухие оживлять пространства.
 Все вновь, и нет корней в веках,
 все изначально и непросто,
 и что-то наспех, кое-как,
 и все одежды не по росту.
 Еще не блещет ваш уют,
 и отстают тылы и фланги,
 и ваши вечные времянки
 еще в музеи не сдают.
 Вас возвышая там и тут,
 чуть тронуты газетной прозой,
 еще вне мрамора и бронзы
 герои тихие живут.
 Но не бедней чем о иных
 о вас напишутся страницы
 земель лесных и нефтяных
 новорожденные столицы.

МУТНЫЙ МАТЕРИК

Самолетом путь нетрудный,
 Кто, тем более, привык,
 Кто куда, а я на Мутный,
 Я на Мутный материк.
 Не ищи его на картах
 У тропических широт,

Там не бродят леопарды,
 А совсем наоборот.
 Не ищи его на картах,
 Школьный глобус не крути.
 Там по насту мчатся нарты,
 Ветер с полюса свистит.
 Обрывает наши снасти,
 Брови инеем беля,
 Ты не знаешь, что за счастье
 Крикнуть первому: земля!
 Потому, оставив думы,
 Мы хватаем рюкзаки,
 Отправляемся, Колумбы,
 Открывать материки.

НА ПЕЧОРЕ

На палубе резина и кирза,
 смешенье лиц,
 в брезенты облаченных.
 А вслед глядят печальные глаза
 из деревень
 покинутых и черных.
 Не сдержит
 неизбывная тоска
 былых жилищ, где плачут несмеяны.
 На тусклый берег глядя свысока,
 бродяги уплывают в океаны.
 За огненным жар-птицевым пером,
 за жизнью, пусть рискованной, но новой.
 Туда,
 не от добра ли за добром?
 Уводит нас желание иного.

НА РЕКЕ ВЫМИ

Река пустынна.
 Лес в глазах навяз:
 С утра дрейфуем по краям медвежьим.
 Не разберешь, который век сейчас,

И стало все далеким здесь и прежним.
И над душой утрачивали власть
нелепые слова:

транзистор,
химик...

Вот-вот с-под комля рыкнет чья-то пасть,
открестится от нас замшелый схимник.
Пал вечер.

 Был за мигом миг,
 за бликом блик.

Березы засветились нестерпимо.
И тут нежданный силуэт возник
на берегу реки, текущей мимо.
Стояла женщина.

 Она была нага.

Нигде я не видал подобных женщин.
Она была безмолвна и строга:
весь мир за ней крестом был перекрещен.
По бедра в трудной северной земле,
как будто выше вырваться не в силах,
Темнел недавний ливень на скуле,
и давним снегом плечи покосило.
А кто она, а кто ее любил?
Не жили здесь Ромео и Отелло.
Был просто человек лесных глубин,
и просто топором ее он сделал.
Нет, мастера, вам так же не суметь...
А мы уходим вдаль за горизонты,
и будут где-то нам в глаза смотреть
неведомые миру Джиоконды.

* * *

Спирт замирает: минус 47.
Багровое застуженное солнце,
и кажется, что вверх оно не тронется
и там — в снегах — угаснет насовсем.
Но человек —

 он странное созданье:

он воду пьет, прихваченную льдом,
он отрывает волосы с трудом
от мерзлых стен, проснувшись утром ран-
ним.

Зачем он здесь, где ток замедлен крови,
где, падая, о наст слеза стучит?
Сиреневое стылое безмолвье
распарывают ревом тягачи.
Дымя снегами, вздрагивают ели,
расходятся сугробы тяжело.
И вот из потаенных подземелий
в прозябший мир

 вливается тепло.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ГЕОЛОГОВ

Уходят в разведку
на поиски мирных вещей
не скрытно-секретно,
не так, как идут из траншей.
А все же похоже:
и так же тропа нелегка,
и надобно тоже
хорошего взять “языка”.
Скрывая коварство,
как мины ничейной земли,
готовят удар свой
морозы, болота, ручьи.
Семь бед обманули —
восьмая уводит на дно...
И пусть не от пули,
а в общем выходит одно.
Не в бой, не на подвиг,
но как по законам войны
в разведку уходят
от прежнего отрешены.
В дожди и в метели,
от жен, от детей, от невест,
из теплых постелей,
от теплых насиженных мест,
за крепкие стены,
от верных друзей и врачей,
из прочной системы
привычных покорных вещей.
Далекой ракетой
перед ними сияет звезда...
Уходят в разведку
и, может быть,
 навсегда.

ПИСЬМО

Здесь в одиночку нам ходить не велено,
поскольку кое-что еще не меряно,
романтикам на радость и на страх.
Здесь правят до сих пор вполне уверенно
стихии три: земля, вода и дерево,
зимой в сугробах, летом — в комарах.
А что ж прогресс?

Идет, идет, родимые,
внедряют средства все необходимые,
на ЭВМ помножен молоток.
Земля все обжитее, все людимее,
и все же вездеходовходимее
пока еще резиновый сапог.
Здесь все растет, и в холоде и в слякоти,
жилье, заводы, много всякой всякости
от всех трудов произрастают тут.
И, безусловно скрашивая тяготы,
здесь без трудов растут грибы и ягоды,
лишь деньги на деревьях не растут.

* * *

Я живу среди явных технарей,
тех, которым ни к чему хорей
и чужды возвышенные ямбы —
детективчик поострее нам бы!
Тянут воз, правы ли, неправы,
к небу не поднимут головы.

И среди них кажусь себе я старым
с хомутом смирившимся кентавром.

ДЕЗЕРТИР

Я в тыл ушел с передовых траншей.
Еще трясет последней дрожью боя.
Я больше не солдат и не мишень,
а трус, влюбленный в небо голубое.
Самим собой судимый за побег,
лишь расстрелять презрением осталось...
А все ж солдат — он тоже человек
и он имеет право на усталость.
Ведь я вернусь, тоской подкараулен,
по грозной жизни бьющейся земли,
и в бруствер лбом упрусь, и снова пули,
визжа, расчешут волосы мои.

IV. ЧУДАКИ

ЧУДАКИ

Равнодушны, тугодумны,
ракам медленным сродни,
долго ползали по дну мы,
коротали в иле дни.
Но являлись чудачки,
в вечность этого не веря,
пробивались потолки,
падали,
глухие двери.
Неказисты и смешны,
презираемы, гонимы,
дело делали они
не за почести и нимбы,
не за титулы, не за злато,
не за славу, не за страх.
И за это аккуратно
их сжигали на кострах,
изводили постепенно
пытками и голодом...

Чтоб потом писать на стенах
имена их

ЗОЛОТОМ.

О ДОЛГОЛЕТИИ

Живут до ста Мафусаилы,
зря не растрачивая сил.
У них диета и режим,
они и к старости свежи.
Им недуги не докучают,
они спокойно спят ночами.
А есть такие чудачки,
режим которым не с руки,
им все б спешить и волноваться,
бежать, как будто вечно двадцать.
Ночами рвать бумагу в клочья,
курить и снова мысль ворочать.
Не тратя ни мгновенья праздно,
они пылают, словно плазма.

И светят всем, и греют всех,
и не шатают их успех,
и гнутся не от славы плечи.
Их каждый день очеловечен.
Весь мир в себе переживают
и ни о чем не забывают:
ни о беде, ни о войне,
ни о тебе, ни обо мне.
А забывают лишь не лезть
туда, где пуля и болезнь.
Они об этом забывают...
...до старости не доживают.

ПЕРЕСМЕШНИК

Эту птицу, кончив странствия,
привезли из мест нездешних.
Эта птица очень странная,
по названию — пересмешник.
Закричит, — и звери слышатся
в криках боли и угроз;
запоет, — и в песнях сыщутся
соловей, скворец и дрозд.
Может, это удовольствие —
всех поддразнивать развязно,
только нету песни собственной
посреди напевов разных...
Лучше бы ему помалкивать,
голос спрятав глубже в грудь.
Эта птица очень жалкая:
бросьте корму, кто-нибудь.

* * *

А ну, шаман, бери свой бубен!
Покрепче заколлуй меня.
От вкрадчивой чахотки буден —
не от воды, не от огня.
От непрозренья — не от сглаза,
от самого себя... Коллуй!
Пусть смерть срабатывает сразу,
лишь только в сторону уйду.
И не от боли, не от горя,
а от привычной полулжи.
И не от пули, не от боя, —
от трусости заворожи.
Пусть под угрозой и бедою
со мной пребудет до конца
не послушание слепое,

а разумение бойца.

* * *

Кому-то песня не понравится,
и песню гонят от крыльца.
А песня тянется и тянется,
наматываясь на сердца.
Как лента тянется и тянется
за годом год, к версте верста.
Она хрипит, она цыганится,
но в ней тепло и доброта.
И слушают слова нехитрые,
глухой гитарный перебор...
Есть песня, и ее не вытравить, —
она живет наперекор
всем недовольным, кем изругана,
кем прав на гласность лишена.
Покуда, пошлостью не вспугнута,
еще поэзия слышна.

* * *

Образцовый
жил на свете мальчик.
Был он сорван,
словно одуванчик.
Положили
как закладку
в книжку,
засушили
лет на десять
с лишком.
И не ждали
никаких последствий,
вынули, сказали: ну-ка, действуй!
Но лежит он
плоский,
неподвижный,
не бежит он,
мальчик этот книжный.
Он раздавлен.
Не живет водица.
Никуда он, словом,
не годится.

* * *

Мальчишки, благородством увлеченные,
в плену хрестоматийных чувств и дел,
и каждый представлял себя Печориным

и быть никто Грушницким не хотел.
 Как сладко полутайно-полуявно
 жить было так в прекраснейшей игре
 и чувствовать повсюду постоянно
 увесистую шпагу на бедре.
 Еще коварства жизни не изведав,
 где спутано добро и недобро,
 еще готовым одолеть все беды,
 поставить все вопросы на ребро.
 Еще совсем далек тот день, в который
 прижатый к стенке или так, устав,
 я позову: на помощь, мушкетеры,
 иль грудь в крестах, иль голова в кустах!
 Где ж пылкий и отважный Арамис?
 Он не примчится, Арамис обрюзгший,
 он не подымет голову с подушки,
 которая зовется компромисс.
 Смолчит Портос, придавленный вещами,
 подмявшими его исподтишка.
 От избытка впавший в обнищанье,
 он не подымет ржавого клинка.
 Придет Атос, спокойный и плешивый,
 и скажет непреклонно: старикан!
 Не рыпайся, протянешь ноги живо,
 заьем все это, подымай стакан!
 Не упрекну, что веровал напрасно,
 не осужу. Хоть явен криминал.
 И сам я плащ холодный и опасный
 на мудрую овчину променял.
 И сам я буду юностью охаян,
 еще никем не стрелянной в упор.
 Встречая жизни яростный напор,
 воистину блажен, кто обтекаем.
 Кто, как вода вместим в любой сосуд,
 сосуществуя с подлостью и бредом.
 Да не попасть ему на страшный суд
 детей, которых он когда-то предал.

* * *

Валы упорны, как волы,
 и солонны, как бы от пота.
 Их бесконечная работа —
 повсюду сглаживать углы.
 Не прекратишь, не воспретишь.
 Они вздымаются натужно,
 и кажется, кому-то нужно,
 чтобы мир был гладким, как голыш.
 Сопrotивляется земля
 воды усилиям стихийным,
 и разбиваются махины

об острый угол корабля.

* * *

Мы как капли в море времени,
 слиты в полосу одну.
 Вот уж наше поколение
 подымает, как волну.
 В битве, в пене, в славе, в поте ли,
 и внизу, и наверху,
 неуклонно катит к отмели,
 к неподвижному песку.
 Что сумеем, что мы вытащим,
 что успеем всей водой?
 Вот уж гребень перед финишем
 погибается седой.
 Наша жизнь уже исчислена.
 Не напрасно ли кипим,
 и боренье не бессмысленно
 с камнем твердым и глухим?
 Но идет преображение,
 незаметное для глаз,
 продолжается движение,
 поднимающее нас.
 Повинуясь зову к высшему,
 я на камень навалюсь
 и песчинку все же вышибу
 перед тем, как испарюсь.

* * *

Мы седем, споря, ссорясь,
 от волнений, от трудов.
 Предъявляет список совесть
 в пух промотанных годов.
 Тычет часовая стрелка
 укоризненным перстом.
 Жить стараемся не мелко,
 да все некогда — потом.
 Вот уж утром, в понедельник,
 отдохнувши в выходной,
 мы займемся чем-то дельным,
 чтобы стала жизнь иной.
 Но проходит это утро
 и проходит утро то,
 ускользает время
 будто
 наливаем в решето.
 Мы за ним в тоске, в истоме,
 задыхаемся, бежим,
 но рубеж страны Потомии,

как мираж, недостижим.
Он встает в прохладных рощах,
блещут чудо-купола,
там любовь для губ иссохших,
там великие дела...
Но проходят дни пустые,
и теряется тропа,
что выводит из пустыни,
где белеют черепа.

* * *

Сидячий труд — стоячий пруд,
отстал от века я по сути.
Как в укоризну мне бегут
к чему-то отчего-то люди.
Их топот слышится чуть свет...
Я выйду из дому и справлюсь:
как поживаете, сосед,
здоров ли Ваш гипоталамус?
Он, утирая взмокший лоб,
ответит мне с усмешкой колкой:
сегодня, кто не аэроб,
тот не достигнет жизни долгой!
Собой доволен он вполне,
он борется с избытком веса,

он твердо следует всем “не”,
чтоб жить без комплексов и стрессов.
В нем здоровый дух, и потому
завидую, хоть весь он взмылен.
Приятен ведь, хоть самому,
дух, не имеющий извилин.
Бессонница — как не была,
тревога — будто не бывала.
Наука, видимо, права,
что бегаем мы крайне мало...
(80-е годы)

* * *

Пешка, мелочь.
Направо, налево
помыкают тобой, не ценя.
Ах, как хочется стать королевой
и противного сбить коня!
Чтоб король в отчаяньи плакал,
называл тебя дорогой...
А потом
пусть уронят на пол
и наступят ногой.

У. МАСТЕРА

* * *

Не дожить до утра —
Умереть над словами.
Мастера, мастера,
как завидую вам я!
Ваши руки мудры,
а глаза ваши —
вещи,
и на свет как дары
появляются вещи.
Молоток ли, перо,
мастерок или кисти, —
все,
что людям в добро,
не является низким.
И свое ремесло
не зови второсортным.
Лишь бы дело могло

пробиваться к высотам.
Жить в забвенной глуши,
в малолюдьях далеких,
только б воздух вершин
добирался до легких.
Только б видеть простор
и уметь, как умельцы,
одной спичкой —
костер,
одной строчкою —
сердце.

* * *

Нет, моих песен не поют,
и в сердце строк моих не носят,
в лицо меня не узнают,
моих автографов не просят.

В издательстве на тормозах
спускают рукопись к набору
с таким сомнением в глазах,
что забирать обратно впору.
Да, не титан я, признаю.
За незатейливые мысли,
за всю посредственность мою
простите. Нету здесь корысти.
Не впился честолюбья клещ,
а просто в зеркале событий,
казалось, что увидел брешь,
и эту брешь могу прикрыть я.
Так в битвы ненасытный зев
под руководством адъютанта
комдив последний свой резерв —
шлет писарей и музыкантов.
И кто-то, с виду супермен,
незаменимый в хоззвезде,
в окопах явно неумел,
шумит и порох зря изводит.
Пуляет он, “ура” орет,
весь жизнью упоен иною,
и думает, что держит фронт,
а фронт давно уж за спиною...
Чтоб кризис более не рос,
сменив по грозному сигналу,
с другими пусть меня в обоз
отправят профессионалы.
Поднимут знамя высоко,
склоненное нестроевщиной,
чтоб вновь над хмурью облаков
сиять поэзии вершинно.
Пусть это вне моей судьбы:
я хлебом с музами не связан.
Поэтом я могу не быть —
я инженером быть обязан.

ФРАНСУА ВИЙОНУ, ПОЭТУ

(год рождения 1431, год смерти неизвестен)

*Отчаянье мне веру придает.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.*

Ф.Вийон

Пей, Франсуа Вийон, пей забулдыга старый,
бродяга, плут, крамольник, шут и вор.
Все смертные грехи к тебе пристали,
как к коже татуированный вздор.
Еще ты жив, вывертываясь ловко
из пут косой, но чуешь кожей всей,

что вскоре шею обоймет веревка,
как руки Катерины де Воссель².
Пойми, школяр, пойми, вагант³ лукавый,
сильны твои гонители, увы,
но смех не поддается на расправу,
и слову не оттяпать головы.
Что короли, святоши, судьи, мненья?
Твоя беда и все же не беда:
приговорив к изгнанию и забвенью,
они живут мгновенья, ты — всегда.
Пока ты жив, хоть в клети, хоть в бессветьи,
пой, издевайся, к правде волоки,
и как рапира брюхо
пять столетий
насквозь пронзят твоих баллад клинки.
Не затупись и в ржави не закисни,
зажми же боль, стерпи вороний карк.
Пей горькое вино текущей жизни —
кровь Франции, где пепел Жанны Д’Арк.

* * *

Был свет уже, земля была,
был Бог, невероятный скульптор,
и молодое солнце скупое
светило на Его дела.
Господь творил, забыв досуг,
за сутками кончались сутки,
среди шедевров шли ублюдки,
но был Он Сам свой Высший Суд.
Зачем Он душу тварям дал,
неблагодарным и порочным?
И мир Им сотворенный стал
несовершенным и непрочным.

МОЕЙ МАТЕРИ

Я тебя вспоминаю
отрешенной от брэнного —
твои руки на клавишах “Мюльбаха”⁴ древ-
него,
осторожны в начале, как пробуют лед,
как болевший впервые с постели встает.
Твои руки, ласкающе звуки держащие,
неожиданно в музыку как-то сбежавшие
от свинцовых авосек,

² Женщина, из-за которой пострадал Вийон.

³ Средневековый бродячий певец.

⁴ Марка рояля.

кастрюль и корыт,
от тупого субъекта
по имени “быт”.
Там отходят они, как в тепле, и намаянных
их целуют почтительно Григ и Рахманинов.
Но оаций не будет, не придет их черед.
Будет мыльная пена,
цепкий жир сковород,
наши свинки, ангины,
наши двойки и ссадины

—
сыновьями все годы твои обокрадены.
Что с них взять?

Мужики — они есть мужики.
На всех стульях в квартире висят пиджаки.
Убивается мать, ну и что ж тут особого?
Еще с рук не сойдя, станут внуков подсовы-
вать.
Год за годом скрипит колесо бытия...
Что же ты пригорюнилась, мама моя?
Чем утешить тебя?

Тем, что здравы и весе-
лы,
что удачливы мы и в семье, и в профессии?
Но пускай на других возлагают венец.
Ведь важней, чем твоя,
в мире должности нет.
Пусть умолкнут иные, об успехах
кричащие —
в мире дело одно только есть величайшее,
сверх наук и прогрессов, сверх всяких затей:
и с любовью и бережно делать людей.
Пусть меня опровергнут, осудят, и пусть ее,
“Литгазета” вопрос подвергает дискуссии,
как сегодняшней женщине строить житье.
Моя мама. Да святится имя твое!

ИСКУССТВО

Эх, Гамлет, ты чудак!
Твои бы мне заботы.
Чего ты тянешь так,
и треплешься чего ты?
Ясны твои дела,
как дважды два четыре.
Видны фигуры зла
отчетливо, как в тире,
и как бубновый туз
пришито к ним злодейство.

Не мешкай же, не трусь,
а действуй, действуй, действуй!
Но ты плетешь вокруг:
сомненья одолели.
Ты неврастеник, друг,
да что ты, в самом деле!
Железку дай свою.
Вались, главреж, в инфаркте:
мы всю галиматью
прикончим в первом акте.
Удар, еще удар,
воистину, милорды!
Все в россыпь, кто куда,
как карты из колоды.
Все масти полегли:
я быстр и непреклонен.
Но кто возник вдали,
откуда вдруг Полоний?...
Проколот был насквозь
старик, сказать по правде...
Ты эти штучки брось!
Но тут явился Клавдий,
живейший... Что за бред:
они дwoятся словно!
За ним его клевет
и прочие персоны...
Колю их, весь в поту,
с трудом соображаю,
как будто пустоту
нещадно поражаю,
как с призраками бьюсь
или с бессмертной плотью...
Уж не могу колоть я.
Эй, занавес! Сдаюсь.

* * *

К земле прибитые огнем,
лежим, растерянные и хмуры.
Врага отчаянно клянем
под зорким глазом амбразуры.
Ты истомился, а в судьбе
не наступает поворота,
и надо б броситься тебе,
а ты все ждешь и ждешь чего-то.
Взываешь к чуду, смотришь вниз,
где все живет горизонтально,
из смысла вычитаешь риск
с благоразумием похвальным...
Так что ж?
остановился бой,

травы сквозь павших прорастают.
Так кто ж?

А это не другой:
не встанешь ты,
никто не встанет.

* * *

*Не расставайтесь с надеждой,
маэстро,
Не убирайте ладони со лба.*
Б.Окуджава.

Ваше имя не блистало,
и не лаврилось чело.
Ваше время не настало,
а быть может, истекло.

Вашу красочную проседь
знатоки не узнают
и автографов не просят
и презентов не суют.
Над могилой, вероятно,
заколышется бурьян,
потому что непонятны
для рабочих и дворян.
Только стоит ли, поверьте,
обивать любой порог?
Может, это на бессмертье
Вас испытывает Бог.
И не огорчайтесь, Мастер,
если вместо водки квас...
Сигарета Ваша гаснет:
кто-то думает о вас.

Алексей МИЛЬКОВ

“ЧТО” и “КАК”

(Обзор ухтинской поэзии)

Статья прочитана на заседании литобъединения 19 января 2000 года. Насколько известно, литературное объединение в нынешнем виде желает быть лучшим в силу его отсталых методов работы. Хотелось бы, чтобы статья дала толчок к преобразованиям, как в других сферах деятельности.

I.

Для начала полезно привести примеры стих-й, не вызывающих сомнений:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Или Николай Заболоцкий “Не позволяй душе лениться”:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!
Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!
Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!
Коль дать ей вздумашь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.
А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.
Она рабыня и царица,

Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Есть прекрасные примеры из ухтинской поэзии, например, Павел Корюгин “А ты и не знала” (“УЛ” № 4 за 1998 г.).

С обидою прочь от меня отвернулась,
Во всем разуверься, с трудом засыпала.
Я мучился ночью. А ты не проснулась.
Я умер под утро. А ты и не знала.
Рванувшись, куда-то душа полетела.
Ты видела сон и тревожно вздыхала.
Смотрел на свое почужевшее тело
И плакал над ним я. А ты и не знала.
На небе чужая звезда загорелась.
Нечистая сила вдали завывала.
Душе моей снова чего-то хотелось, —
Сочувствия, что ли... А ты и не знала.
Я рано убрался, почти что и не жил,
За сорок всего — до обидного мало.
Я редко тебя, моя милая, нежил
И каялся ныне. А ты и не знала.
Потом над могилой при всех голосила,
Под крест деревянный цветы расстилала.
И все же — жила неубитая Сила:
Все так же любил я! А ты и не знала.

Это шедевр, который можно предложить Евгению Евтушенко для его антологии русской поэзии.

Вот у Геннадия Иванова есть строчки: “Горит в полях заката медь и плавится за дальним лесом”. Вместо того, чтобы развить эти очень выразительные строчки дальше, он продолжает: “А молодежь у шалаша начнет веселое гулянье. И слушаем мы не дыша — поет тальянка про страданье”. Заурядный момент. Поэт, не осознавший, какими богатыми строчками он обладает, прошел мимо возможности создать шедевр.

Шедевр — это продукт идеального сочетания формы и содержания, продукт реализации идеи, что демонстрирует Игорь Терновский в стих-и “Осень”.

Лист ветхий, лист опавший,
усталый желтый лист.
Трубят журавль отставший
над полем как горнист.
Лесов парад последний,
последний шорох крон.
Повсюду разноцветье
мундиров и знамен,
повсюду в сизой стыни
начавшегося дня
отсвечивает иней
тяжелый как броня.
Все празднично и гордо,
как будто нипочем
лихая старость года
под стынущим лучом.
Хотя не во спасенье
последний дождь кропил:
под ржавчиной осенней
распался хлорофилл.
Последних листьев стая
сорвется, шелестя,
придет зима и станет
на выставших костях. . .
Лесов парад прощальный
пред тем, как онеметь.
Не просят здесь пощады,
когда приходит смерть.

В последнее время, когда не требуется создавать такие идеологические “кирпичи” как “Сталевары”, видимо в поисках своей ниши стало модно писать о душе в религиозном плане, о многомерности, бесконечности, о полетах во сне и наяву, в запределье, то, что можно назвать менталом, астралом и эзотерикой.

Яркий представитель этого направления в Ухте Павел Корюгин, немного Светлана Широкова и Надежда Канева. Корюгин реализует свою поэзию через восточные религии, Широкова — через культуру Востока, Канева — через Бога.

Почему многомерность стала их любимой дочерью, оставив многоликость падчерицей, ведь первую нельзя осязать, обонять и проверить?

Скажите можно осязать стих-е Наталии Фоменко “Сегоднячко” (“УЛ” № 2 за 1999 г.)?

Не видна дорога,
Нет в душе тепла.
Тяжело к порогу
Пропасть пролегла.
Сумерки да будни,
Воры да грехи,
По сугробам блудят
Тихие стихи.
Гулкое давленье
Гасит в венах кровь,

Новое затмение,
Явленная новь.

Конечно, можно. Правда, есть одна существенная ошибка: **блудят** не заблудились, толкование одно — от слова **блуд**, в этом случае автору следовало бы доказать природу блуда, чтобы читателю было понятно.

А вот “Путник на ночной реке” Павла Корюгина (“УЛ” № 4 за 1998 г.)?

Какая **ночь!** Я чувствую ее:
Не тьму ее, а цельное Пространство,
Изменчивость его и постоянство,
... Прекрасно изыскание мое!
Хочу постигнуть Эволюций ход,
Судьбу Богов, и что стоит за Ними.
И сквозь меня таинственное Имя
Наружу, к человечеству, идет.
Миры — во мне, вселенные — во мне
Живут, и, если я неравновесен
И самому мне свод сознания тесен, —
Они в смертельном корчатся огне.
Они горят, пока я бьюсь в тоске,
Они прекрасны, если я спокоен.
... И здесь предел мой: ни поэт, ни воин,
А просто Путник на ночной реке.

Сравнениями, эпитетами или метафорами стих-е не пахнет. В начале идет лавинообразное перерастание одного слова в другое: **ночь** переходит в **пространство**, **пространство** — в **постоянство**, **постоянство** — в **изыскание**, **изыскание** — в **Эволюций ход**. Логической связки между ними не существует. Набор слов. Это обычно характерно для начинающих поэтов. Постигнув такой прием, можно написать не одну сотню стих-й. “Миры — во мне, вселенные — во мне”. Миры и вселенные в фантастике одно и то же. А нижние строчки, если выбросить дополнения, говорят у него о том, что “... вселенные — в смертельном корчатся огне. Они горят, пока я бьюсь в тоске”. Сомнительное утверждение — нам бы спокойствие вселенных. Далее, ни с того ни с сего вдруг появилось слово **тоска**. И что за “таинственное Имя наружу, к человечеству, идет”? И почему **наружу**? Многочисленные слова выплывают без объяснений. Возникает много вопросов к автору, и ему не обойтись без громоздкого пояснительного аппарата. В этом стих-и, как минимум, двадцать несуразностей. Здесь надо предостеречь, что читатель нам может сказать когда-нибудь: нет на вас Хрущева с бульдозером.

Вот еще стих-е из творчества Павла Корюгина: “Осознание себя” (“УЛ” № 4 за 1998 г.).

Коль нам покой и Знание не даны,
Пока душа желаньями объята, —
Сойдем туда, где властвует Геката,
Туда, в еще неведомые сны!
Посмотрим на себя из глубины,
Увидим все, чем Истина богата:
Мы — Боги, но подвиглись брат на брата,

В свои тела безмерно влюблены.
И в этом — человечества секрет:
Внутри души пылает чистый Свет,
А телу вечно грезится услада.
Лишь в ясных снах, когда желаний нет,
Мы лишены физического яда
И в состояньи вырваться из ада.

Настоящий полет во сне и наяву. Игорь Терновский называет такие стихи метафизикой, а я бы проще — компьютерными. Пусть Павел Корюгин опровергнет, если в первой строчке вместо слов **покой** и **знание** нельзя поставить **застой** и **дикость**. И многие другие. Вместо **желаньями** — **истомами**. Даже слово **Боги** заменить на **твари**. Ничего не изменится. А ведь из хорошей песни слово не выкинешь.

Писать астрал и эзотерику — это значит соревноваться с современным компьютером-поэтом. Что касается его — в этом он даст фору любому живому поэту.

А чего стоят следующие любовные строчки Павла Корюгина (“УЛ” № 4 за 1998 г.):

И будь, прекрасная Лану,
Лучом Единого Атмана!
.....
И будешь вновь, моя Лану,
Лучом Единого Атмана!

В индуизме **атман** — субъективное психическое начало, **брахман** — объективная первичная реальность. Почему автор предпочел первое второму? Так и хочется предостеречь: юноши, бойтесь таких незаурядных, феноменальных девушек!

У Надежды Каневой есть стих-е:

Благодарю Творца сердечно,
Что есть друзья в судьбе моей.
И каждый дорог бесконечно
Неповторимостью своей.

Простецкое без открытия стих-е. И тут напрашивается от Надежды Каневой доказательная база: о какой-такой неповторимости идет речь, в чем она проявляется, какая должна быть? Там, где требуется копнуть поэту, нельзя умывать руки. А стихотворная форма должна была бы усилить сказанное, но не усилила.

Обращаю внимание на первую строчку. Существует предупреждение: не упоминай Бога всуе. Третья заповедь. Иначе это спекуляция на имени. Когда-то слово Бог мог произнести только первосвященник, да и то раз в году. Знает ли об этом Надежда Канева?

Рассмотрим ее стих-е “В Ухте”:

:
По воле неба с юности в Ухте,
За этот срок судьбой дано не мало
Здесь воплотиться суждено мечте,
Здесь любовалась я зарею алой.
В пути своем познала полноту,
Забудешь ли подъемы, повороты,
Заснеженного края красоту,

Простор тайги и тишину болота.
Из книги жизни не убрать страниц,
И не разлюбишь ветра с лесом шепот,
И теньканье привычное синиц,
В бору сосновом глухаринный клёкот.
Тепло сердец возможно ли забыть.
Сиянье глаз при встрече у порога,
И меж друзей связующую нить,
Любовь Всесильного, живого Бога.

Уместно ли в данном случае в стих-и об Ухте в очередной раз злоупотреблять именем Бога? Или вот какой инородной выглядит строчка: “Из книги жизни не убрать страниц” среди описаний природы. А строчка: “По воле неба с юности в Ухте” пример метафизики. Рок событий, судьба — это еще понятно. Или “В пути своем познала полноту” — тоже фальсификация, тоже метафизика.

Известно, что Бог создал Землю в 6 дней. Но мы не знаем случаев, чтобы он вложил перо кому-то в руки, как утверждают кое-кто из поэтов. В частности Надежда Канева, сказавшая: “Бог лиру мне в дар преподнес” (“УЛ” № 2 за 1999 г.).

Обращения к имени Всевышнего превращают стих-я в оды и панегирики — это подхалимаж ему в чистом виде, а оды сегодня не в почете.

Понятно, что поэтов переполняют чувства, но почему-то так, что они бросаются писать о высоких материях, глобальных философских проблемах, о Вселенной с большой буквы, о Душе тоже с большой буквы, о Разуме опять же с большой буквы, то что легче, забывая, что прежде всего они должны быть исследователями человеческого сознания, то что труднее. Вдруг читатель не разберется? Поелику справив свои естественные заботы, поэт приступает к подобным стихам, переходя от материализма к идеализму. Не принципиальность.

Павлу Корюгину, автору такого пронзительного, эмоционального стих-я “А ты и не знала”, хочется напомнить его же словами из стих-я “К моей Лану”: “Нельзя Учителю опять в астральном утопать болоте” (“УЛ” № 4 за 1998 г.).

II.

Особо хочется сказать о работе литобъединения. Не знаю, какую оценку оно получило за 1999 год, но, анализируя его публикации, надо остановиться на сборнике “Лучик”.

Аванс молодым — это хорошо. Но надо отработать его. Лев Толстой сказал, что одну книгу может написать каждый, но две и больше — писатель.

Тут к месту говорить о литературных принципах, в первую очередь что писать и как писать. “Что” — это идеи. “Как” — это мастерство. Писатели должны знать — “что” важнее “как”. Первичнее. Произведение без идеи выглядит по Далю: “авось, небось и как-нибудь”, а мастерство вторично, оно приходит. И какие же идеи можно обнаружить? К сожалению, бедность. Как можно браться за что-то, не зная к чему стремиться. На авось, куда кривая вынесет? Поэтому все безжизненно. Мас-

терское рифмование—не поэзия. Можно ли это назвать убожеством мысли. Нельзя, но жалость вызывается.

Однобокость тем тоже будит сожаление. На читателя надо выходить с более солидными, важными темами. Где темы, прославляющие величие человека, преобразование природы, где романтика, игра слов? В молодом возрасте стыдно уходить от борьбы, быть прагматиками. Неужели овечка Долли не рождает брожение в сердцах юных поэтов?

А где информативность? Можно ли стихи “Лучика” с точки зрения пришельца отнести к определенному периоду, в частности, к концу двадцатого столетия, и может ли он определить, чем жили обитатели Земли в это время. Получается вода на киселе. Пушкин понятия не имел о битвах и байтах, но он вкладывал столько информации в свою поэзию, что ее называют энциклопедией жизни. И уже первые его стихи приобрели общественное звучание.

Сборник, который должен был нам показать молодые таланты, сработал вхолостую, пропал втуне, потому что задачу открыть новые имена он не выполнил.

Тут непонятна роль руководителя студии “Огонек” и председателя литобъединения Павла Корюгина. Он показал свой неудачный вкус при составлении сборника. Неужели нельзя было разнообразить темы? Почему он устроил проходной балл именно этим стих-ям?

III.

Теперь о конкретике на литобъединении. Установившаяся практика сейчас такая: автор зачитывает свои стихи, а свора критиков налетает на него, к тому же он не имеет права голоса. Преобладает субъективизм, связанный с блиц-оценками. И где интимность, так желаемая для начинающего автора? Обязательна рецензия в письменном виде в двух экземплярах. Одна автору, другая для литобъединения.

Надо постоянно расширять себя в понимании литературы. И сегодня злободневно переосмыслить работу литобъединения. Сначала преобразовать в двухуровневое. Посещать можно всем любое, но функции каждого уровня должны быть разные. Нижний для изучения азов. Какой смысл выслушивать о скверных

рифмах членам СП России. Высшая лига не играет с классом “Б”. На верхнем уровне приоритет на зачитывание актуальных статей, которые должен требовать председатель литобъединения, и которые будут затем напечатаны в журнале “Ухта литературная”.

Особенно хочется сказать о практике избрания председателя литобъединения. Нет сомнения, что председатель должен быть не просто милейший человек, не представитель большинства, а, не менее, член Союза Писателей России, иначе литобъединение выхолащивается до лысенковщины, превращается в заурядную секцию без авторитета и без связи с Союзом Писателей Коми. В разные годы в Ухте литобъединением руководили А.Рекемчук, Н.Володарский, Б.Шахов, А.Журавлев – все члены СП. Да и Г.Иванов, закончивший Литературный институт им. Горького, и И.Терновский являли непререкаемый образец культуры, эрудиции и понимания литературы. На сегодня в Ухте 4 члена СП. Писатели без этого звания могут руководить литобъединением с приставкой и.о. Могут также руководить секциями по прозе, по поэзии, по работе с молодыми авторами с назначения председателем.

Чтобы разнообразить работу литобъединения, внести в нее свежую струю, а его сделать зрелищным, необходимо во главу угла поставить элемент соревновательности. Это может быть несколько раз в году шоу с призами. Шоу заключается в следующем: участники в рамках турнира читают свои произведения, судейская коллегия (это могут быть все участники и зрители одновременно) как в фигурном катании ставит оценки. Необъективность будет от отдельных судей, но она не скажется в целом, и не надо обращать на нее внимание. Турниры подстегнут профессионализм, и литобъединение приобретет большую зрительскую аудиторию. Эти выступления можно записывать на видеопленку и затем показывать по телевидению.

Смелее! “Нельзя жить законом, данным Адамом и Евой”.

Редакция журнала “Ухта литературная” приглашает высказаться по этим и другим вопросам.

ПЕРСОНАЛИИ

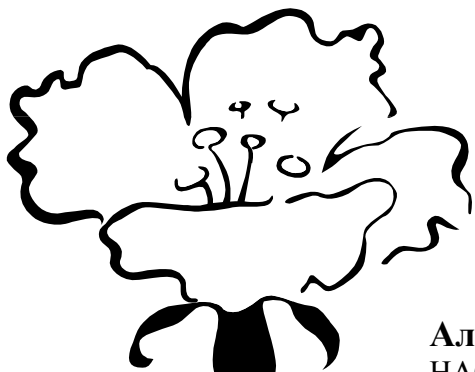

ТЕРНОВСКИЙ Игорь Николаевич
(смотри библиографическую справку в “УЛ” № 2
за 1998 г., № 9 за 1999 г.)

6 июня 1953 г. В день защиты диплома.

Март 2000 г. С женой Еленой Степановной.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей МИЛЬКОВ
НАСКОЛЬКО РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО ? 1 стр.

Игорь ТЕРНОВСКИЙ
КАК Я НЕ СТАЛ ФУТУРИСТОМ 3 стр.

Игорь ТЕРНОВСКИЙ
ПРЕОДОЛЕНИЕ 4 стр.
(ранние стихи 1962 — 72 гг.)

I. ПОГОДА ТАКАЯ

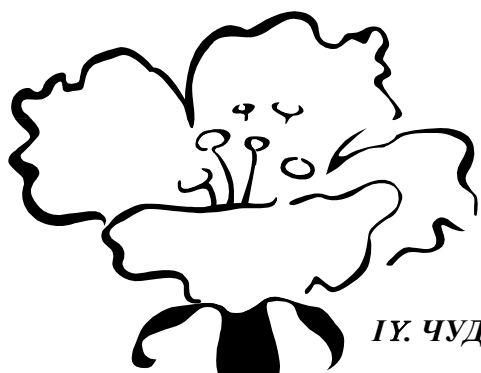
“Погода такая”	4
“И любит она, и не любит”	4
“В той колоде много дам”	4
“Первый снег”	4
“Январь определенностью хорош”	5
Февраль	5
Снег	5
“Высоким солнцем снег”	5
“Опять весна”	6
Весной	6
“Прохожу овсами”	6
Гроза	6
“Вот хрупкий мир”	6
“Пойми, мой друг”	6
Клайпеда	7

II. ТРЕВОГА

“Я сплю как взрыватель чуток”	7
“Терзает свет усталые глаза”	7
“На обломках руды”	8
“На ледяном обдутом гребне”	8
“Гляжу на зыбкость”	8
“Репродукторы со сна”	9
“Ночь длится беспробудна и глуха”	9
“Время белого или черного”	9
“В подъезде сделали ремонт”	9
“На земле зимы прощанье”	9
“Воскресный день”	10
“Всех сильнее пианистов”	10
О пуле, которая меня убьет	10
...A sírcenses	10
“Что сделано — необратимо”	11
“Как страшен был бы мир без юмора”	11
Мгновение	11
“Часто были они, нелегкие”	11

III. СЕВЕРНЫЕ ГОРОДА

“О, северные города”	12
Мутный Материк	12
На Печоре	12
На реке Выми	12
“Спирт замирает”	13
Памяти погибших геологов	13
Письмо	13
“Я живу среди явных технарей”	14
Дезертир	14

IV. ЧУДАКИ

Чудаки	14
О долголетию	14
Пересмешник	15
“А ну, шаман”	15
“Кому-то песня не понравится”	15
“Образцовый жил на свете”	15
“Мальчишки, благородством увлеченные”	15
“Валы упорны, как волны”	16
“Мы как капли”	16
“Мы седем”	16
“Пешка, мелочь”	17
“Сидячий труд”	17

V. МАСТЕРА

“Не дожить до утра”	17
“Нет, моих песен не поют”	17
Франсуа Вийону	18
“Был свет уже”	18
Моей матери	18
Искусство	19
“К земле прибитые огнем”	19
“Ваше имя не блистало”	19

Алексей МИЛЬКОВ

“ЧТО” и “КАК” 22 стр.

(Обзор ухтинской поэзии)

ПЕРСОНАЛИИ

26 стр.

Фото из семейного архива Игоря Терновского

Литературно-критический журнал “Ухта литературная”

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков тел. 1-74-91

Игорь Терновский 6-12-46

Отпечатано на производственной базе
ОАО “СЕВЕРГЕОФИЗИКА”

Генеральный директор Ростовщиков В.Б.

Гл. геофизик Соколов С.В.